Предметом иронического обыгрывания становятся любовные банальности «Вручить „Я вам вручаю серце, пронзенное вашими прелестьми“, романическия слова, означающия пустоту И какая прибыль красавице от такого серца, которое молодчик отдает и берет назад одними только словами?» (17) Шутливо-игровое истолкование получает слово «вечность» «Вечность В любовных обращениях гораздо покороче той, которая конца не имеет Любовник говорит *Я вас вечно буду любить* < > И так сие значит я вас столько времени буду любить, насколько станет моей любви» По любовному календарю «вечность у них продолжается несколько недель < > гораздо много, когда четыре недели» (13–14)

«Лексикон» напоминает дамам, что любовное ухаживание не исключает обещаний, которые суть обман «Обещания < > главное намерение всех любовничьих обещаньев состоит в том, чтоб их не исполнять », «Обман, чаще в любви употребляется, нежели о нем говорится » (47)

Статья «Цаловать» выдает заметное вторжение переводчика в текст «Лексикона», в котором сравниваются присущие любовной игре моменты у французов и у русских в разные времена «Цаловать Читатель, может быть, не знает, что во Франции в прошлое время и один поцалуй не безделицею почитался, но ежели жених до свадьбы умрет, то невеста за данной поцалуй имела права требовать половину имения умершаго У нас и в старину поцалуи не были в такой цене, а ныне так же, как и во Франции, даются любовникам без малейшаго размышления, однако искусныя молодчики умеют из того получать пользу они знают, что до совершеннаго успеха надлежит доходить по малу < > и так хоть цалование ничего не стоит, но по времени обещает и другия благосклонности» (70–71)

Можно наблюдать, как формы поведения, сложившиеся в живой практике общения, перетекали в литературу, подвергались систематике в кодифицированной риторике любовного поведения и уже в качестве моделирующего образца вновь возвращались в реальность жизни, откуда снова переходили в литературу Как характерную черту поэтики бытового поведения XVIII века Ю М Лотман отметил то, что «определенные формы обычной, каждодневной деятельности были сознательно ориентированы на нормы и законы художественных текстов и переживались непосредственно эстетически» [22] По западноевропейским романам и текстам вроде «Любовного лексикона» русские дворяне учились галантному обхождению и науке любви Этот тип поведения, сохранившийся и в XIX веке, запечатлела русская классика Словами романов объяс-

[22] *Лотман Ю М* Избранные статьи Таллинн, 1992 Т 1 С 248